

НОВГОРОДСКИЙ РОД ГРИГОРИЯ СЕМЕНОВИЧА

Давнее стремление новгородцев к колонизации северных земель отмечено еще в XII в.: хорошо известная Уставная грамота новгородского князя Святослава Ольговича 1136/1137 г.¹ упоминает пункты сбора дани в Заволочье — местности, расположенной между реками Онегой и Северной Двиной с ее притоками Емцой, Пинегой, Вагой. Однако находки деревянных цилиндров-бирок на новгородском Троицком раскопе в 1999 г. позволили отодвинуть этот рубеж к последней четверти XI в.²

Рука об руку с торгово-промышленным освоением Новгородом пустынных и малозаселенных пространств Севера шла и монастырская колонизация, прокладывая вместе с тем путь к обращению в христианство местного населения. Характерно, что активная роль в устройении монастырей и церквей на севере Руси принадлежала представителю боголюбивого новгородского боярства, получившим в этих местах во владение от Великого Новгорода обширные земли и угодья.

Один из таких новгородских родов — род «челмужского» боярина Григория Семеновича, родоначальник которого известен исследователям по мировой грамоте второй половины XIV века (ГВНП. № 284), тесно связан с основанием и деятельностью нескольких северных монастырей: Михайловского Архангельского (в г. Архангельске), Николаевского Корельского, Рождественского Палеостровского, Антониева Сийского, Успенского Лявлинского, а также многих приходских церквей.

В работах ряда исследователей, занимавшихся изучением исторических документов о Русском Севере периода XIV—XVII вв., по-разному дана социальная характеристика ветвей этого рода.³ В частности, Н. Н. Покровский писал: «Федоровы — известный боярский новгородский род, члены которого владели землями в новгородских пятинах и неоднократно бывали посадниками... Издавна известны также богатые земельные владения этого рода в Заволочье. В конце XIV—начале XV в. Федоровы совместно с двумя другими крупными новгородскими боярами владели там целым Терпиловым погостом... Дошедшая до нас духовная грамота Мартемьяна ярко рисует хозяйство этого крупного дворянина, жившего в Новгороде на Боркове улице. Духовная перечисляет владения Мартемьяна в Новгородских

¹ Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М., 1976. С. 148.

² Янин В. Л., Зализняк А. А. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1999 г. // Вопросы языкознания, М., 2000. № 2. С. 3, 13.

³ В. Л. Янину удалось объединить отдельные ветви потомков этого рода в единую семью. Янин В. Л. Новгородские акты XII—XV вв. М., 1991. С. 236—244.

пятинах и на Двине; часть этих владений перешла к нему от отца и деда, часть была куплена им самим».⁴

Справедливо критикуя представленные Н. Н. Покровским аргументы, на основе которых были сделаны эти выводы, В. Л. Янин в то же время приводит не совсем объективные основания. Он отмечает, что «ни в этой духовной, ни в других документах, связанных с той же семьей, не упомянуто ни одного участка земли, какой находился бы за пределами весьма локальной двинской вотчины... Единственный случай принадлежности возможному члену этой семьи участка, находящегося на территории новгородских пятин, указан Ю. С. Васильевым, который обратил внимание на принадлежность части деревни Заполье (5 обж) в Покровском Озеретцком погосте Копорского уезда Водской пятины своеземцу Омосу Иванову Заволочанинову... Однако копорское владение Амоса не связано с его отчиной, а является новоприобретением московского времени... Таким образом, оказываются неверными основные тезисы существующей в литературе сословной характеристики Мартемьяновичей и их предков. Эта семья не связана родственными узами с новгородскими посадниками, не владеет во времена новгородской независимости землями за пределами двинской волости, не имеет никаких дворов в Новгороде. Уже этих данных достаточно для утверждения о том, что Мартемьяновичи и их предки никогда не принадлежали к боярству вопреки гипнозу неверной социальной атрибуции».⁵

В защиту новгородского происхождения рода Федоровых — ветви рода Григория Семеновича, ведущей свое основание от одного из его четырех сыновей — Федора, выступил В. Ф. Андреев.⁶ Опираясь в основном на анализ духовной Мартемьяна Александровича (ГВНП. № 144), его аргументация не вполне достаточна.

К приведенным им фактам хотелось бы добавить следующее. Духовная Мартемьяна Александровича конца 10-х—начала 20-х годов XV века⁷ (ГВНП. № 144) позволяет обнаружить непосредственные указания на владения этого рода в Водской пятине: «А что отчина моя, земля и вода, и прикупля отца моего... в Волоцкой земле (следует предположить⁸ — в Вотцкой земле. — А. Ю.), на Озерцах и на Дятелчах, и то приказываю жене своей Пелагеи и детям своим свою четверть, по отца моего по владению, и по старым грамотам, и по делним грамотам же... А что куны деда моего Федора и отца моего Александровы... в Волоцкой земли (аналогично — в Вотцкой земли. — А. Ю.) на [Дя]телчах на погосте сорок рублей да сто и осмьдесят гривен, а в тех кунах приказываю свою четверть детям своим чисто. А взяти мне у Даниле у Роди-

⁴ Покровский Н. Н. Актовые источники по истории чернососного землевладения в России XIV—начала XVI в. Новосибирск, 1973. С. 164—167.

⁵ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 194.

⁶ Андреев В. Ф. Новгородский частный акт XII—XV вв. Л., 1986. С. 45—52.

⁷ Здесь и далее по тексту датировка грамот дана по В. Л. Янину (Янин В. Л. Новгородские акты XII—XV вв. М., 1991).

⁸ В списке с грамоты, обнаруженном в Копийной книге Михайловского Архангельского монастыря XVII в. (РО БАН. Архангельское собрание. № 1192. Л. 146 об.—148 об.), писец вместо буквы «т» в слове Вотцкой написал, как и в предыдущем слове за Волоком, — до. Поэтому вместо Вотцкой земли появилась Волоцкая: «за Волоком и в Волоцкой земле».

онова сына на Дятелицах рубль, а у Федора у Борисова сына на Озерцах рубль...».

Дальнейшую передачу этих земель мы наблюдаем в дельных грамотах потомков этого рода 1491 и 1527 гг. Так, в деловой грамоте от 16 февраля 1491 г. Мартемьяновых детей (Семена и Вахромея) и внуков (Никифора, Матвея, Григория, Ивана и Афанасия Федоровых детей) с Амосом Ивановым читаем: «А Родцкой земли (и снова искажение названия Вотцкой земли. — А. Ю.) на Озерцах земля и пожни... во всем в том Семену и Вахромею и Федоровым детем половина, а Омосу — другая половина».⁹ Эта грамота свидетельствует о том, что земля и угодья на Озерцах перешли к нему по наследству (разделу), а не по купле, как отмечал В. Л. Янин. В дельной же сыновей Амоса Иванова (Алексея, Андрея, Александра, Степана и Матвея) от 21 июня 1527 г. указано: «А осталось у нас вопче Воцкой земли на Озерцах в Запольи деревни...».¹⁰ Именно эта деревня и досталась Омосу Иванову от раздела 1491 г.: «В Покровском же погосте (Озерецком. — А. Ю.) своеземцы. Омоса Иванова Заволочанинова: д. Заполье... на своеземцове шти жеребьях...».¹¹

Таким образом, владения в Покровском Дятелицком и Покровском Озерецком погостах Копорского уезда Водской пятины, перечисленные в духовной грамоте Мартемьяна Александровича (ГВНП. № 144), принадлежали еще до боярского вывода представителям рода Федоровых.

Что касается упоминания Н. Н. Покровским Борковой улицы Новгорода, то следует уточнить: Мартемьян Александрович не жил на ней, а имел там лишь огород: «а двор свой и огород тот, и огород на Боркеве улице...». Двор же его находился, вероятно, где-то поблизости.

Как справедливо заметил В. Ф. Андреев, Федоровы, имея значительные владения на Двине, должны были их часто навещать, а может быть, некоторые члены рода даже жили там определенное время. Это замечание можно отнести не только к ветви Федоровых, но и к другим ветвям рода Григория Семеновича. Так, деятельность сыновей Филиппа Григорьевича — Есипа, Антона и Филикса — непосредственно проходила на Двине: Есип Филиппович был двинским посадником, а Антон и Филикс погибли на Двине (их тела вынесло водой на Корельский берег Двинского устья в месте, где был впоследствии поставлен их матерью Марфой храм Николая Чудотворца — основа Николаевского Корельского монастыря).

Чтобы ответить на вопрос о месте проживания и социальной принадлежности этого рода, необходимо вновь обратиться к документам, на которые ссылаются исследователи. Эти документы неоднократно публиковались в XIX и XX вв. Однако в литературе исследователи, в основном, вели обсуждение вопроса вокруг представителей рода Федоровых (Мартемьяновых, Молодых Бояр, Амосовых¹²). Поэтому их вни-

⁹ РО БАН. Архангельское собрание. № 1192. Л. 73—78 об. Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. С. 195—197. Однако в публикации В. Л. Янина сделана ошибка при передаче содержания грамоты: фамилия послуха — Лентьев — напечатана как Леонтьев (Л. 78).

¹⁰ СГКЭ. СПб., 1922. Т. 1, № 60. Ст. 54, 55.

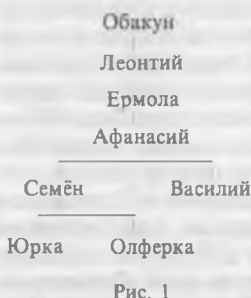
¹¹ Новгородские писцовые книги. Вотская пятина. 1500 г. СПб., 1868. С. 725.

¹² Род Амосовых А. И. Копанев ведет от потомков Филиппа Григорьевича (Амос Иванов — внук Настасьи Степановны), В. Л. Янин — от потомков Федора Григорьевича (Амос Иванов — внук Александра Федоровича). Копанев А. И. Крестьянство Рус-

мание хотелось бы привлечь к другой, менее изученной на наш взгляд, ветви — к роду Лентьевых.¹³

В. Л. Янин, анализируя все «за» и «против» фальсификации мировой грамоты старосты Вымоченского погоста, шунжан, толвуян и курарандшев с челмужским боярином Григорием Семеновичем и его детьми о размежевании земель (ГВНП. № 284), приводит родословную этого боярского рода (Рис. 5).¹⁴ На рис. 1 представлена лишь часть этой схемы, описывающая ветвь Лентьевых.

Проследим его построения относительно этой ветви. Мировая грамота называет непосредственных наследников Григория Семеновича — его сыновей Обакуна и Савелия. Духовная Мартемьяна Александровича (ГВНП. № 144), назвав деда Мартемьяна — Федора Григорьевича, упоминает и сына Обакума Григорьевича — Лентия Обакумовича: «А что меня подарил Левонтей Обакумович Калцыным островком малым одерень, и яз ему дал противо того островка сорок куней». Лентий Обакумович известен также по духовной Марфы начала XV века (ГВНП. № 129), жены Филиппа Григорьевича, третьего брата Обакума Григорьевича: «А приказываю дом святого Николы

(церковь Николая Чудотворца в Николаевском Корельском монастыре. — А. Ю.) господину своему доверю Федору Григорьевичу и его детям и Лентею Обакумовичу и зятю своему Офромею Васильевичу».

Сын Лентия Обакумовича Ермола Лентьевич выступает в числе «братьев» в жалованной грамоте новгородского веча о сиротах Терпилова погоста 1422—1423 гг. (ГВНП. № 89). Он же известен и по более позднему документу 40-х годов XV в. — данной грамоте «всех скотников и помужников Толвойской земли» (ГВНП. № 90), которая демонстрирует его владельческую принадлежность к местности, фигурирующей в мировой грамоте (ГВНП. № 284).

Обращение к писцовым книгам Обонежской пятины (ПКОП) обнаруживает наличие очередных потомков Ермолы Лентьева. К моменту боярского вывода бывшая волостка Григория Семеновича именно в тех границах, которые описаны в мировой грамоте (ГВНП. № 284), разделена на два самостоятельных массива. Первый принадлежит Семёну Ермолину с детьми Юркой и Олферкой; второй является собственностью Хутынского монастыря.¹⁵ Ему же принадлежали и рыбные ловли в Пашской губе Ладожского озера: «В писцовых книгах Обонежские пятины Юрья Константиновича Сабурова 7004 (1495/1496 г. — А. Ю.) году написано. Тетрять, а в ней писаны ловли рыбные на Пашской губе и по Свери-рецы. ...да пашаном Рожественского погоста великого князя станы, рыбные ловли Онтоновские Гаврилова две воды под Наволоком да

ского Севера в XVI в. Л., 1978. С. 74, 78. Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 192. Янин В. Л. Новгородские акты XII—XV вв. С. 243.

¹³ Род Лентьевых исследователи иногда называют родом Леонтьевых, но это неправильно. От этой фамилии получило название и место проживания рода на Двине — Лентьев стан. РГАДА. Ф. 1209, писцовые книги № 9. Л. 332.

¹⁴ Янин В. Л. Новгородские акты XII—XV вв. С. 243. Схема № 5.

¹⁵ Там же. С. 237.

Семеновские Ермолина восемь вод...».¹⁶ По данной же грамоте бояр Семена Ермолина и «брата» его Василия Офоносова второй половины 70-х—80-х годов XV в. (АЕ-57. № 2) Палеостровский монастырь получил «...в Челможском ж погосте угодья в Челможи и в Куле острове и на Озричском берегу, а ловят неводом одним и сетями в осень лососи и пальи и сига...». Их место в родословной В. Л. Янин объясняет следующим образом: «...прежде следует разобраться в „братстве“ Семена Ермолина и Василия Офоносова. Та же писцовая книга (ПКОП 1563 г. — А. Ю.) дает основание утверждать, что „Ермолин“ было не отчеством Семена, а прозвищем по имени его деда. Челмужская волостка Семена Ермолина в одном случае называется более развернуто — „волосткою Семеновской Офоносова Ермолина“ (ПКОП. С.167). Это значит, что Семен и Василий были действительно родными братьями, сыновьями Афанасия Ермолинича. „Братаном“ Семена Ермолинича Василий Офоносович, правда, назван в одной из грамот (АЕ-57. № 2), что является явной корректурой переписчика, посчитавшего „Ермолин“ отчеством Семена».¹⁷ Таково краткое изложение построения ветви Лентьевых, предложенное В. Л. Яниным.

Обратимся теперь к результатам исследований А. И. Копанева. Он приводит родословную крестьян Лентьевых¹⁸ (на рис. 2 она представлена без внуков Ивана Дмитриевича), названных в Платежной книге 1560 г. «своеземцами». Указывая на близость родов Лентьевых и Амосовых (в действительности, они были потомками двух ветвей рода, идущих от сыновей Григория Семеновича), он пишет: «Выяснить раннюю историю их земель невозможно. ...земли Лентьевых находились, как и владения Амосовых, в нижнем течении Двины (в Низовской луке) и, вероятно, восходили к вотчинам двинских бояр. Это подтверждается и тем, что два в источниках названных по фамилии представителя этого рода — Дмитрий Афанасьевич Лентьев и его сын Иван Дмитриевич Лентьев — были тесно связаны с своеземцами: первый подписал дельную Мартемьяновых с Амосом 1491 г., а второй в 1519/20 г. вместе с А. Амосовым управлял Архангельским монастырем,¹⁹ а в 1527 г. подписал в качестве послуха дельную братьев Амосовых».²⁰ Приводя родословную Лентьевых, А. И. Копанев замечает: «По предположению В. А. Сатарова, родоначальником Лентьевых следует считать упомянутого в духовной Мартемьяна (ГВНП. № 144) владельца Кальцына острова Левонтия Обакуневича (вторая четверть XV в.). Это весьма правдоподобно, так как в данной 24 января

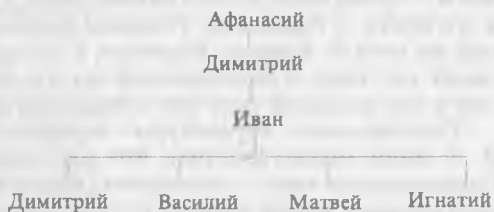

Рис. 2

¹⁶ Писцовые книги Новгородской земли. М., 1999. Т. 1. С. 291.

¹⁷ Янин В. Л. Новгородские акты XII—XV вв. С. 239.

¹⁸ Копанев А. И. Крестьянство Русского Севера в XVI в. С. 94.

¹⁹ СГКЭ. Т. 1, № 52. Ст. 44, 45.

²⁰ Там же, № 60. Ст. 54, 55.

1557 г. Николо-Корельскому монастырю²¹ Ивана Лентьева на дер. Часовенскую монастырь обязывается помянуть „Аввакума, Леонтия, Германа инока, Афанасья, отца моего Дементия скимника“, то есть названы четыре поколения Лентьевых до Димитрия (в монашестве Дементий) Афанасьевича (сб. ГКЭ. Т. 1, № 152)». ²² Однако это так и осталось лишь предположением.

Прежде чем провести сравнительный анализ представленных на рисунках 1 и 2 родословных Лентьевых по В. Л. Янину и А. И. Копаневу, представим родословную Ивана Лентьева, используя упомянутую выше данную грамоту 1557 г. (на рис. 3 она изображена на участке 2). К сожалению, А. И. Копанев, ссылаясь на нее, не упомянул еще одного родственника — дядю Варлама скимника, который, как мы увидим ниже, является связующим звеном между родословными рис. 1 и 2.

Как видно из рис. 3, на участках 1 и 2 имеются одинаковые имена в коленах I, II, IV: Обакун, Леонтий, Афанасий; в III мирскому имени Ермола соответствует иноческое Герман, в V имени Василий — имя Варлам. Различие на участках 1 и 2-3 обнаруживается с колена V: на участке 1 появляется имя Семен, на участках 2, 3 — имя Дмитрий. Чтобы понять, почему появилась эта разница и прийти к выводу о тождественности или различии описываемых родов Лентьевых, используем отрывок из данной грамоты (АЕ-57. № 2): «Се яз, Семен Ерьмолинич, и мой братан Василей Офонович з братом дали... А дали есьма на память отцом своим, и матерем, и всему роду нашему...». Как видим, Семен Ермолинич не является ни родным братом Василию Афанасьевичу и его брату, как отмечал В. Л. Янин, ни даже двоюродным, как полагал В. И. Корецкий; он им — дядя. На это указывает и конец грамоты — у них свои, то есть разные отцы: у Семена — Ермола, у Василия и его брата — Афанасий. Родными братьями являются Семен и Афанасий, их отец — Ермола. Вероятно, к моменту составления данной Афанасий уже умер, и наследниками по его линии стали сыновья — Василий и его младший брат (из-за малолетства имя его не упоминается).

Относительно корректуры переписчика, на которую указывал В. Л. Янин, можно заметить, что этот вывод не является правомерным. Свидетельство тому — во-первых, высказывание В. И. Корецкого, обнаружившего копии данных, купчей и духовной грамот XV в. в земельном деле второй половины XVII в. между Палеостровским и Вяжицким монастырями и опубликовавшего их (в частности, АЕ-57. № 2). Он поясняет: «Копии грамот переписаны одним почерком... сделаны довольно тщательно, так что воспроизводятся отдельные особенности написания XV в.» ²³ Во-вторых, название грамоты, упоминаемое в описи казны Палеостровского монастыря 1755 г.: «Данная на харатейной бумаги за свинцовою печатью новгородского посадника Семена Ермолича з братанами (племянниками — А. Ю.) на Челможскую неводную рыбную ловлю и на Куле остров и на протчее». ²⁴ Скорее всего, ошибка допущена

²¹ Не случайно деревня была дана во владение Николаевскому Корельскому монастырю. Дом святого Николая Чудотворца был завещан Марфой, женой Филиппа Григорьевича, прапрадеду Ивана Лентьева — Лентию Обакумовичу (ГВНП. № 129).

²² Копанев А. И. Крестьянство Русского Севера в XVI в. С. 94.

²³ Корецкий В. И. Новгородские грамоты XV века из архива Палеостровского монастыря // АЕ за 1957 г. М., 1958. С. 447.

²⁴ ГАНО. Ф. 480, оп. 1, № 964. Л. 12.

писцом ПКОП 1563 г., или спутавшим Семена Ермолина с Семеном Афанасьевичем Бабкиным, который также имел владения в Обонежской пятине, или же не совсем правильно указавшим обоих владельцев этих угодий — Семена и Афанасия Ермолиных. Это подтверждают записи писцовых книг Обонежской пятинны Ивана Беклемишева 1550/1551 г.,²⁵ где бывший владелец тех же земель и угодий Семен Ермолин упоминается без «отчества» Офоносов. К тому же на ошибку писца указывает и замечание В. Л. Янина о «бывшем игумене Футьня монастыря Варлама», по данной грамоте которого Палеостровский монастырь получил угодья в Челмужском погосте.²⁶ В той же описи монастырской казны 1755 г. эта грамота (АЕ-57. № 9) упоминается как «данная игумена Закхия преподобнаго Варлаама Хутьня монастыря на Челможскую рыбную ловлю».²⁷

На основании проведенного анализа упомянутых выше документов родословная Лентьевых будет выглядеть следующим образом (рис. 4):

Подтверждение правомерности этого построения находим в писцовых книгах Водской пятинны 1500 г., называющих и бывших владельцев земель. В Спасском Зарецком погосте Копорского уезда (погост граничит с запада с Покровским Озерским погостом) находилось «...селцо Дикерино Перхуровское Еросимова, вопче с Дмитревскими да с Васильевскими обжами Офонасовых детей Ермолина...».²⁸ Там же указана «волостка Максимовская Ортемьева сына Каликина, да Матюка да Васка Офоно-

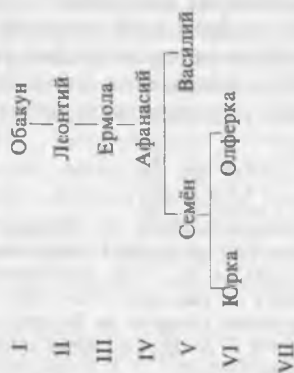
²⁵ Писцовые книги Новгородской земли. Т. 2. СПб., 1999. С. 13.

²⁶ Янин В. Л. Новгородские акты XII—XV вв. С. 238.

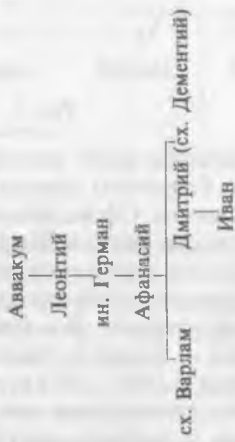
²⁷ ГАНО. Ф. 480, оп. 1, № 964. Л. 12 об.

²⁸ Новгородские писцовые книги. Водская пятина. 1500 г. С. 726.

уч. 1: по В. Л. Янину

уч. 2: по данной грамоте 1557 г.

уч. 3: по А. И. Колпаневу

Рис. 3

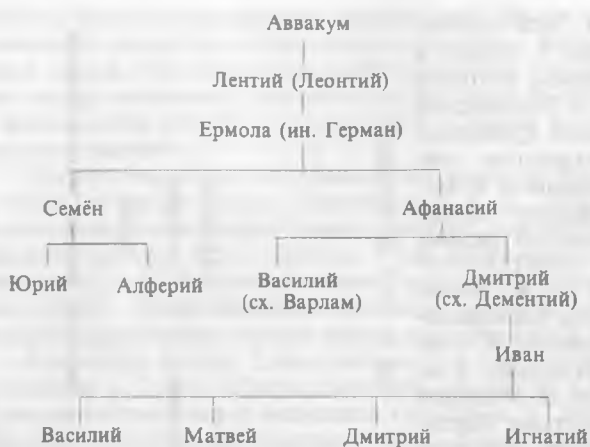

Рис. 4

совых детей Лентьева...».²⁹ И здесь не обошлось без ошибок писца. Так, имя Дмитрий трансформировалось через промежуточное уменьшительное — Матюк — в имя Матвей. В Каргальском погосте имелись «великого князя селцо и деревни... Матвеевские да Васковские Офоновых детей Лентьева...».³⁰

Примечательно, что писцовые книги

Водской пятины дают возможность определить и место проживания братьев до боярского вывода в Великом Новгороде: «А Дмитриевских да Васильевских Офоновых детей Левонтьева с Холопья улицы: В сельце великого князя в Кикерине в оброчном в Перьфурьевском Еросимова...».³¹ На плане древнего Новгорода Холопья улица находилась в Неревском конце Новгорода и располагалась между Кузюдемьянской и Борковой улицами. Все три улицы пересекала главная улица Неревского конца — Великая. Анализ материалов археологических раскопок, проведенных в 1951—1962 гг. в этом конце Новгорода,³² в комплексе с известными документами рода Григория Семеновича позволил предположительно установить место проживания представителей этого рода на Холопьевой улице. По всей вероятности, этим местом являлась усадьба «Б», находившаяся на пересечении улиц Великой и Холопьевой (рис. 5).³³ Основанием для такого заключения послужило следующее. П. И. Засурцев, описывая постройки усадьбы «Б», выделил по принципу планировки усадьбы пять строительных периодов: «...После пожара 1342 г. строгий порядок застройки усадьбы нарушился. Вместо прежних 6—7 семейств теперь здесь жило только четыре... На рубеже XIV и XV веков усадьба разделилась на три самостоятельных двора, которые были раз-

²⁹ Там же. С. 742.

³⁰ Там же. С. 524.

³¹ Там же. С. 744.

³² Арциховский А. В., Тихомиров М. Н. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953. Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М., 1954. Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—1954 гг.). М., 1958. Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М., 1958. Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963. Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958—1961 гг.). М., 1963. Арциховский А. В., Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962—1976 гг.). М., 1978.

³³ Янин В. Л. Я послал тебе бересту... 3-е изд. М., 1998. С. 189.

горожены частоколами... В дальнейшем в течение всего XV в. происходило разделение территории усадьбы на три наметившиеся участка, но частоколы между дворами регулярно не обнаруживались при раскопках. По-прежнему прослеживается только частокол по южной границе усадьбы... В конце XV в. южная граница усадьбы „Б“ исчезла, и на ее месте возник ряд небольших домов, расположенных в одну линию».³⁴

По нашему мнению, после гибели во время пожара 1342 г. новгородского боярина Есифа Давыдова,³⁵ берестяные грамоты к которому обнаружены в усадьбе «Б», на ее территории в XIV в. проживали четыре семьи сыновей Григория Семеновича. С начала XV в., после смерти Андрея Савельевича, в усадьбе стало проживать три семьи. В конце же XV в. в связи с боярским выводом соответственно исчезла и южная граница усадьбы «Б». Потомки рода были вынуждены переселиться на Двину (в Терпилов, Андрианов, Лентьев, Алексеев станы, посады Уна, Ненокса и др. — названия даны по административному делению начала XVII в.³⁶) в свои вотчины. Уже здесь, на Двине, в конце XV—начале XVI в. они получили фамилии: Лентьевы, Амосовы, Молодые Бояре и, возможно, Кологривовы (с XVIII в. — Кологриевы).³⁷

В. Л. Янин, проанализировав содержание берестяных грамот из усадьбы «Б», сделал интересное заключение: «150 лет усадьба „Е“ была тесно связана с Карельским перешейком... Право собирать дани в определенном районе, в нашем случае... принадлежало определенной семье, которая поддерживала это право и охраняла его. Этот вывод оказалось возможным подтвердить еще одной группой берестяных грамот Неревского раскопа (грамоты №№ 2, 19, 131)... Если усадьба „Е“ была связана с Карельским перешейком, то семья, живущая на соседней усадьбе „Б“, имела такие же прочные связи с другим районом Карелии — Обонежьем» (Водлоозерский погост, Пудога, р. Оять).³⁸ Сравните: Челмужский погост Григория Семеновича с юга охватывал Пудожскую гору; а р. Оять является притоком р. Свирь, впадающей в

Рис. 5

Названия улиц:

- ① Розважа
- ② Кузюдемьянская
- ③ Холыня
- ④ Великая

³⁴ Засурицев П. И. Постройки древнего Новгорода // МИА. М., 1966. № 65. С. 294.
³⁵ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

С 355. РГАДА. Ф. 1209, писцовые книги № 9. Л. 285, 332, 366, 392.

³⁷ Копанев А. И. Крестьянство Русского Севера в XVI в. С. 98.

³⁸ Янин В. Л. Я послал тебе бересту... С. 189.

Ладожское озеро в районе Пашской губы, где имелись тони Семена Ермолинича Лентьева.

Конечно, приведенных выше аргументов недостаточно, чтобы утвердиться во мнении о конкретном месте проживания потомков рода Григория Семеновича — усадьбе «Б». Однако о том, что Григорий Семенович и его наследники проживали в непосредственной близости от перекрестка Великой и Козмодемьянской улиц Неревского конца, говорят следующие факты:

— в Отписной книге пригородных пожен земцев, монастырских, церковных и черных людей Великого Новгорода 1536 г. упоминаются пожни Елизара Михайлова сына с Кузьмодемьянской улицы, который «на те пожни (за Веряжею в Шапочничском пути и за Веряжею Круглою в Люболятском пути. — А. Ю.) положил грамоты купчие, прадедню Обакумову да Ермолину. И грамота у него взята и пожни даны ему же в оброк».³⁹ Вероятно, здесь идет речь о грамотах Обакума Григорьевича и Ермолы Лентьевича;

— жителями Кузьмодемьянской улицы являлись посадник Иван Данилович и тысяцкий Александр Игнатьевич.⁴⁰ Первый дал отпись (расписку) игумену и братье Спасо-Хутынского монастыря (ГВНП. № 127) в том, что он получил от них грамоту на владение землями Андрея Савельевича на Нижней Двине (в Соломбале, Ижме, Лодьме, Уне) в 1415 г., а затем подписал рядную грамоту (ГВНП. № 130) 1415—1417 гг. с Василием Федоровичем и его детьми и племянниками на эти земли. Второй являлся рядцем этой грамоты (ГВНП. № 130). Их присутствие здесь не случайно. Сделки такого характера могли происходить лишь между родственниками или жителями близлежащих улиц, то есть между людьми, хорошо знающими друг друга и имеющими примерно равное социальное положение;

— в духовной Мартемьяна Александровича (ГВНП. № 144) упоминается его двор, находившийся где-то рядом с Борковой улицей, а также огород, который он купил на последней (именно Холопяя улица располагалась рядом с Борковой улицей древнего Новгорода);

— наконец, на усадьбе «Е» вместе с берестяными грамотами Максима Онцифоровича, представителя известного посадничего рода Неревского конца XIV—XV вв. Мишиничей-Онцифоровичей, встречаются письма, адресованные Григорию и Сидору или написанные ими. По этому поводу В. Л. Янин пишет: «Отношение этих лиц к Максиму Онцифоровичу нам пока неизвестно, однако следует вспомнить, что имя Григория имеется в списке строителей Колмова монастыря в Клопском синодике. Иными словами, Григорий назван там среди родственников Юрия Онцифоровича».⁴¹ Уместным будет добавить, что земли, приобретенные в 30-х гг. XIV в. в районе Пашской губы Ладожского озера по купчим грамотам (АЕ-67. № 1, 2) Лукой Варфоломеевичем (известным в истории как основатель крепости Орлец на Двине в 1342 г.) —

³⁹ Писцовые книги Новгородской земли. Т. 1. СПб., 1999. С. 334.

⁴⁰ Посадник Иван Данилович впервые упомянут в приписке 1400 г. к Прологу церкви Козмы и Демьяна как боярин, живший на Козмодемьянской улице. На этой же улице на усадьбе «И» проживал и тысяцкий Александр Игнатьевич (ок. 1418—1420 гг. — степенной посадник) — внук Матфея Варфоломеевича Коски, правнук Варфоломея Юрьевича. Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. С. 12, 43, 185, 198.

⁴¹ Там же. С. 27.

дедом Максима Онцифоровича, были завещаны тому же Колмову монастырю Ориной — правнучкой Юрия Онцифоровича, брата Максима Онцифоровича (АЕ-67. № 8). А новгородская берестяная грамота № 279, адресованная Максиму Онцифоровичу, также написана «паше-зерцами». ⁴² В Пашской же губе находились и рыбные ловли Семена Ермолинич Лентьева, праправнука Григория Семеновича. Не является ли в связи с этим Григорий, упоминаемый в берестяных грамотах, челмужским боярином Григорием Семеновичем — основателем рода Лентьевых, Амосовых, Молодых Бояр, Кологривовых?

— берестяные грамоты, с именем Григория или написанные им, обнаружены на усадьбах «Б», «Е» в стратиграфических слоях середины — второй половины XIV в., что соответствует периоду деятельности Григория Семеновича (см. хронологико-генеалогическую таблицу (ч. 1) этого рода — рис. 6); ⁴³

— духовным отцом Марфы, жены Филиппа Григорьевича, назван «игумен Василии святого Спаса» (ГВНП. № 129), то есть настоятель Спасо-Хутынского монастыря — усыпальницы известного рода Неревского конца Малышевской, ранее проживавшего в указанных выше усадьбах, генеалогическая цепочка которого прерывается в середине XIII в. ⁴⁴ Этому же монастырю были пожалованы внуком Григория Семеновича Андреем Савельевичем земли и угодья за Волоком — в Соломбале, Ижме, Лодье, Уне (ГВНП. № 127, 130). Вероятно, им же была отдана в монастырь и половина Челмужского погоста в Обонежьи.

При рассмотрении же социальной характеристики рода Григория Семеновича (в период новгородской независимости) необходимо учесть, что в ряде документов XV—XVIII вв. некоторые представители упомянутого рода названы с посадничим титулом:

— в опубликованной Е. В. Барсовым ввозной грамоте Рождественскому Палестровскому монастырю, данной из Великого Новгорода в 1591 г. «за приписью дьяков Андрея Арцыбашева да Семенки Емельянова», указаны вотчинные земли и угодья, ранее полученные монастырем по данным грамотам XV в. Часть из них — «от Аржемы реки до Орлова острова Карныш губа и до Кута вода и болота, и в Куте губе малой островок с пожнею, что Ботало кашивал, и поженка у Карныш ручья на ужной стороне, а в лес куда коса имет. Да... ловити в Челмуже неводом и сетми, и в Кулье острове и на Озрицком берегу» — переданы

⁴² Янин В. Л. Новгородские акты XII—XV вв. С. 213. Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.). С. 105—107.

⁴³ Стратиграфическая (реестровая) дата блока берестяных грамот с усадьбы «Е» Неревского раскопа, написанных Григорием (берестяные грамоты с №№ 130, 133, 134, 187, 193, 259/265, 278, 281, 286, 403), — 1360—1380 гг. с расширением периода до 1340—1400 гг. Расчёт, проведенный по методике так называемого внестратиграфического датирования берестяных грамот, то есть их датирование по графическим и палеографическим особенностям, данному языка и формуляра, даёт 1360—1380 гг. Однако представляет интерес результат, полученный с использованием этой методики по одним лишь графическим и палеографическим признакам, — 1340—1380 гг. Янин В. Л., Зализник А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990—1996 гг.). Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование. М., 2000. Т. X. С. 146, 358. Этот период почти совпадает с периодом жизни и деятельности Григория Семеновича — 1300—1370 гг., расчёт которого проведен по методике, предложенной автором статьи, и представлен в хронологико-генеалогической таблице рода. Рукопись автора готовится к публикации.

⁴⁴ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. С. 32.

ХРОНОЛОГО-ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

Ф. И. О.	год
Филипп Дмитриевич Лентьев	1270
Игнатий Иванович Лентьев	1280
Дмигрий Иванович Лентьев	1290
Матвей Иванович Лентьев	1300
Василий Иванович Лентьев	1310
Иван Дмитриевич Лентьев	1320
Дмитрий Афанасьевич Лент.	1330
Василий Афанасьевич Лент.	1340
Алферий Семёнович Лентьев	1350
Юрий Семёнович Лентьев	1360
Семён Ермолинич Лентьев	1370
Афанасий Ермолинич Лентьев	1380
Ермола Лентьевич	1390
Лентий Аввакумович	1400
Аввакум Григорьевич	1410
Андрей Савельевич	1420
Савелий Григорьевич	1430
Григорий Семёнович	1440
Семён	1450
	1460
	1470
	1480
	1490
	1500
	1510
	1520
	1530
	1540
	1550
	1560
	1570
	1580
	1590
	1600
	1610
	1620

Рис. 6

РОДА ГРИГОРИЯ СЕМЕНОВИЧА (ч. 1)

Филипп Григорьевич	
Марфа, жена Филиппа Григ.	
Есип Филиппович	
Антон	
Филикс	
Степан Есипович	
Настасья Степановна	
Иван, сын Настасьи Степан.	
Александр, сын Настасьи Ст.	
Федор Григорьевич	
Александр Федорович	
Василий Федорович	
Остафий Васильевич	
Мартемьян Александрович	
Иван Александрович	
Андреян Александрович	
Яков Александрович	
Яков Мартемьянович	
Федор Мартемьянович	
Андрей Мартемьянович	
Семён Мартемьянович	
Варфоломей Мартемьянович	

Палеостровскому монастырю «по данной грамоте Новгородскаго Посадника Семена Ермолина з братом, где им любо в их Посаднической вотчине, чем они, Посадники, владели» (имеются в виду данные грамоты АЕ-57. № 1, 2). И далее во ввозной грамоте приведено описание тех же угодий, аналогичное описанию ПКОП 1563 г.: «Да в Челмужском же погосте угодья в Челмуже и в Кулье острове, и на Озрицком берегу, а ловят неводом одним и сетми в осень лососи, и пальи, и сиги, по данной грамоте старых Бояр, Семена Ермолина да брата (братана. — А. Ю.) его, Василья Фонасьева»;⁴⁵

— в описи казны Рождественского Палеостровского монастыря 1755 г. указанные грамоты (АЕ-57. № 1, 2) обозначены как «данная новгородскаго посадника Семена Ермолича на харатеинои бумаги за свинцовою печатью на Аржему реку и на Орлов остров, и на Карныш губу с протчими угодья» и «данная на харатеинои бумаги за свинцовою печатью новгородскаго посадника Семена Ермолича з братанами на Челмужскую неводную рыбную ловлю и на Куле остров и на протчее»;

— в грамоте великаго князя всея Руси Ивана Васильевича от 2 февраля 1540 г., данной игумену Николаевского Корельскаго монастыря Ефрему с братьею, упоминается об основательнице церкви Николая Чудотворца этого монастыря: «... деи тот храм ставила посадница Ноугородская Марфа, а к тому деи монастырю посадница Ноугородская Марфа подавала озера и речки и пожни и всякие угодья...»⁴⁶ (в грамоте речь идет об угодьях на озере Кудьме и на речке Кудьме, данных монастырю по духовной грамоте Марфы, жены Филиппа Григорьевича (ГВНП. № 129));

— в описях Николаевского Корельскаго монастыря XVII в. (1628, 1634, 1637, 1650 гг.) сохранившиеся в монастырском архиве грамоты (ГВНП. № 128, 129) обозначены как «купчая Филиппа посадника да духовная Марфы посадницы, обе харатеинныя с печатми свинчатными».⁴⁷ В данных описях не указано, был ли Филипп Григорьевич новгородским или двинским посадником. Однако известно, что его сын, Есип Филиппович, был двинским посадником в 1401 г. Кроме того, в НПЛ за этим же годом говорится, что Есип Филиппович принадлежал к числу бояр новгородских;⁴⁸

— в царской грамоте Василия Шуйскаго 1610 г. говорится о новгородской посаднице Настасье (середина XV в. — А. Ю.), поставившей церковь Успения (будущий Успенский Лявлинский монастырь) над гробом брата своего Стефана.⁴⁹ Скорее всего, в грамоте речь идет не о брате, а об отце — Степане Есиповиче, упоминающемся в грамотах XV в. (ГВНП. № 89, 221),⁵⁰ внуке Филиппа Григорьевича. После смерти

⁴⁵ Барсов Е. В. Палеостров, его судьба и значение в Обонежском крае // ЧОИДР. 1868. Кн. 1. С. 173, 174.

⁴⁶ Калачов Н. В. Акты, относящиеся до юридического быта древней России. СПб., 1838. Т. II. № 173: V. С. 550.

⁴⁷ ГААО. Ф. 191, оп. 1, № 139. Л. 3 об., № 188. Л. 3, № 410. Л. 6 об., № 460. Л. 4 об.

⁴⁸ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950. Л. 101.

⁴⁹ Зверинский В. В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях Российской империи, с библиографическим указателем. СПб., 1892. Т. II. № 1322. С. 391.

⁵⁰ ОР БАН. Архангельское собрание. № 1192. Л. 261 об.—295 об. СГКЭ. Т. 1, № 76. Ст. 70—79.

все его владения — «Степановщина», перешли по духовной грамоте (грамота не сохранилась) дочери Настасье с сыновьями Иваном и Александром и племянникам, потомкам Федора Григорьевича. Филипп Григорьевич купил эти земли (в частности, на Лявле острове) еще в конце XIV в. (ГВНП. № 129).

Учитывая клановость проживания боярских родов в древнем Новгороде, можно предположить, что на усадьбах «Е» и «Б» в период новгородской независимости проживали сам Григорий Семенович и его потомки, имевшие родственные связи с посадничим родом Мишиничей — Онцифоровичей и занимавшиеся сбором дани сначала в Карелии, а затем в Обонежье, в Поморье и на Северной Двине (в Заволочье).

Однако в списках новгородских посадников XIV—XV вв., приведенных в Новгородских летописях, этих имен нет. И всё-таки, окончательно говорить о том, что представители упомянутого рода не принадлежали к посадничей семье, рано. Это покажут дальнейшие исследования. Они же позволят уточнить и место проживания рода в Неревском конце Великого Новгорода.